

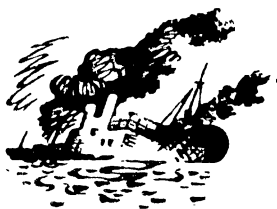

БОРИС
ЖИТКОВ

**МОРСКИЕ
ИСТОРИИ**

БОРИС ЖИТКОВ

МОРСКИЕ ИСТОРИИ

РАССКАЗЫ

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1984

Р2
Ж74

Художник А. В. Денисов

Житков Б. С.

Ж74 Морские истории: Рассказы.— М.: Сов. Россия,
1984.—48 с.

Р2

Ж $\frac{4803010102-266}{М-105(03)84}$ 221—84

«МАРИЯ» И «МЭРИ»

Это было в Черном море в ноябре месяце. Русская парусная шхуна «Мария» под командой хозяина Афанасия Нечепуренки шла в Болгарию с грузом жмыхов в трюме. Была ночь, и дул свежий ветер с востока, холодный и с дождем. Ветер был почти попутный. Тяжелые, намочившие паруса едва маячили на темном небе черными пятнами. По мачтам и снастям холодными струями сбегала вода. На мокрой палубе было темно и скользко. Впрочем, сейчас и ходить было некому. Один рулевой стоял у штурвала¹ и ежился, когда холодная струя попадала с шапки за ворот. В матросском кубрике, в носу судна, в сырой духоте спало по койкам пять человек матросов. Кисло пахло махоркой и грязным человеческим жильем. Мальчишку Федьку кусали блохи, и ему не спалось. Было душно. Он встал, нацупал трап и вышел на палубу. Он натянул на голову рваный бушлат² и зашлепал босиком по мокрым доскам. Слышно было, как хлестко поддавала зыбь в корму. Федька хорошо узнал палубу за два года и в темноте не спотыкался. Море казалось черным как чернила, и только кое-где скалились белые гребешки.

Федька заглянул в люк хозяйской каюты. Там вспыхивал огонек папиросы.

— Эге!— крикнул Нечепуренко.— Кто це? Хведька? А ну, ходы!

Федька спустился в каюту.

— Хлопцы огонь задули? Ну-ну! Жгуть дурно керосин, не в думках, что в деревне люди с каганцами живут.

Огня не было не только в кубрике, но не были выставлены и отличительные огни по бортам: справа зеленый и слева красный. По этим огням суда ночью узнают друг друга и избегают столкновений.

¹ Штурвал — рулевое колесо.

² Бушлат — матросское полу пальто.

— Як не спишь,— продолжал хозяин,— то уж не спитут могут пароходы встретиться. Поглядывай в море.

Федька подошел к рулевому.

— Что трясешься?— спросил рулевой.— Ямы боишься?

— Та смерз,— сказал Федька.— А кака та яма?

— Не знаешь?

Федька много слышал рассказней про яму, не верил им, по все-таки любил послушать. А ночью так и побаивался: а вдруг в самом деле есть?

— Нема никакой ямы,— сказал Федька.— Ты ее видал?

— А вот и видал: там повсегда зыбь. Ревет!— аж воет. Я раз с греками плавал, видал, как судно туда утяпуло. Хоп — и амба!

— Брешешь!— испугался Федька.

— Вот чтоб я пропал! Пароходы затягает.

— А где ж она?

— Аккурат посередь моря. Греки знают.

— Да врешь ты!— отмахивался Федька.

— Верное слово. Вот чего Афанасий не спит? — добавил рулевой вполголоса.— Накажи меня бог, ямы боится.

— Федька! — крикнул из каюты хозяин.— Смотри, огни! Уши развесил!

Федька стал вглядываться в темноту, и действительно, далеко впереди, справа, ему показался белый огонек. А сам прислушался, не гудит ли впереди яма.

Английский грузовой пароход «Мэри» с полным грузом русского хлеба шел, направляясь вдоль западного берега Черного моря в Босфор, чтоб оттуда идти дальше, в Ливерпуль.

Зеленый и красный огни ярко светились по бортам; там горели сильные электрические лампы. Еще один, белый, огонь горел на мачте. Этот огонь на мачте носят пароходы в отличие от парусных судов, которым пароходы всегда должны уступать в море дорогу.

Пароход был недавно построен, все было новенькое, и исправная машина работала как часы. На носу судна стоял вахтенный «баковый» и зорко смотрел вперед. Тут же висел большой сигнальный колокол, которым баковый давал знать вахтенному штурману, когда появится на горизонте огонь: ударить раз — значит, огонь справа, два — слева, три раза — прямо по пути парохода.

Молодой помощник капитана, штурман Юз, был на вахте и ходил взад и вперед по капитанскому мостику.

Вдруг он услышал три спешных удара в колокол с бака. Он глянул вперед: почти перед самым носом парохода слабо мигал зеленый огонек.

— Лево на борт!— крикнул Юз рулевому, и пароход резко покатился влево.

Реи парусника едва не задели пароход.

— Четвертый раз!— ворчал про себя Юз.— На курс!— скомандовал он рулевому.

Рулевой повернул штурвал, заклипала рулевая машина, и пароход пошел по прежнему направлению.

Капитан Паркер сидел на кожаном диванчике в своей каюте, которая помещалась тут же, у капитанского мостика. Две электрические лампочки горели над полированным столиком, на котором стояли бутылка виски¹ и сифон содовой воды. Капитан курил из трубки душистый английский табак и записывал в свой кожаный альбом русские впечатления. Он боялся, что за длинную дорогу забудет и не сумеет толком рассказать своим ливерпульским друзьям про Россию.

«На улицах громко говорят, кричат,— писал он,— на тротуарах толкаются и не извиняются...»

Бах, бах, бах!— опять раздалось три удара с бака.

Капитан Паркер надел фуражку и выскочил из каюты.

— В чем дело, Юз? Опять?— спросил он помощника.

— Право, право, еще право!— командовал Юз.

Красный огонек совсем близко проскользнул мимо левого борта.

— Что они, издеваются?— сказал Паркер.

— Мы ведь должны уступать паруснику по закону,— ответил Юз.

— Но ведь закон, мистер Юз, запрещает ходить в море без огней, как пираты. Или вы считаете правильным, когда огни внезапно появляются за три сажени?— назидательно сказал капитан.

— Что же, бить?— спросил Юз.

— Надо быть твердым, когда ты прав.

— Конечно, следовало бы проучить,— слабо заметил Юз.

— Ну, а раз так, то не мешайте в таких случаях курса, Юз,— ответил Паркер.

¹ В и с к и — английская водка.

Капитан круто повернул и ушел к себе в каюту.

Артур Паркер представил себе, как его пароход, гладко покрашенный в красивый серый цвет, горит яркими электрическими огнями, чистый, сильный, гордо идет среди этих замухрышек-парусников. Дженгльмен в толпе дикарей.

Он вспомнил, как в русском порту его два раза толкнули на улице. Он не успел опомниться, как уже обидчик куда-то исчез.

Артур Паркер представлял, как он будет рассказывать про это в Ливерпуле и как все будут ждать, что он сейчас скажет, как он сумел показать этим дикарям, с кем они имеют дело. А сказать было нечего. Паркер сильно досадовал на себя.

«Вот и с этим парусником упущен случай. Этот разня Юз! Надо было просто — трах! Довольно миндальничать, носите огни в море... Какой был удобный случай проучить эту публику!» — досадовал капитан.

Паркер снова вышел на мостик. Он надеялся все-таки, что вдруг представится еще такой же случай, и не рассчитывал на Юза.

— Они, кажется, вас выдрессировали, Юз, — едко сказал он помощнику. — Вы ловко обходите этих господ, юлите, как лакей в ресторане.

Юз молчал и смотрел вперед.

— Дядьку, — крикнул Федька хозяину, — вже блище огонь, пароход акурат на нас идет!

Нечепуренко высунулся из каюты.

— А таки здоровый пароход, — сказал он, помолчав, — должно, с Одессы, с хлебом. А ты где, Федька, закинул той старый фалень? С него ще добры постромки выйдуть.

— Дядьку! Ой, финар давайте! — кричал Федька.

Он не спускал глаз с парохода, и ему ясно было, что если пароход через минуту не свернет, то столкновение неизбежно.

Рулевой не выдержал и стал забирать лево.

— Що злякавсь?¹ — крикнул Нечепуренко. — Держи, бисова душа, як було! На серники, — обратился он к Федьке.

---

¹ Чего испугался?

Федька вырвал из рук хозяина коробок спичек и бросился в каюту, нащупал на стене фонарь, чиркнул спичку — красный, надо правый, зеленый. Впопыхах дрожащими руками Федька чиркал спичку за спичкой; они ломались, гухли, он не мог зажечь нагоревшей свечильни.

Горит! Федька с маху захлопнул дверцу — фонарь мигнул и потух.

— Не сдавайсь под ветер! — слышал он, как кричал наверху хозяин рулевому.

Федька снова чиркал спичку, чувствовал, что теперь уж каждая секунда стоит жизни. Наконец он выбежал с зеленым огнем на палубу и направил фонарь к пароходу.

Пароход был совсем близко, и Федьке казалось, что прямо в упор глядят красный и зеленый глаза парохода. Он услышал, что там спешно пробили три удара в колокол.

— Так держать! — крикнул Нечепуренко злым голосом.

— Так держать! — раздалась жесткая команда по-английски на пароходе.

Не меняя курса, «Мэри» шла прямо на парусник.

— Лева, лева! — завопил Нечепуренко.

Но было уже поздно. Федька видел, как с неудержимой силой на них из темноты летел высокий нос парохода, не замечая их, направляясь в самую середину судна. Ему стало страшно, что пароход прямо раздавит его, Федьку. Он выпустил на палубу фонарь, опрометью бросился к винтам и, как обезьяна, полез на мачту.

— Гей, гей! — в один голос крикнули хозяин и рулевой, но в тот же почти момент оба слетели с ног от удара: пароход с полного хода врезался в судно.

Раздался страшный хрустящий удар. Федьку тряхнуло, и он едва удержался на вантах. В двух аршинах от себя он ясно увидел серый корпус судна; закрыл глаза, сжался в комок и изо всей силы уцепился за ванты. Что-то грохнуло, ударило, мачту покачнуло, и, когда Федька открыл глаза, он увидел удаляющиеся огни парохода, а внизу — он ничего не мог понять — вода была в двух аршинах под ним. Он вскарабкался выше и с ужасом видел, что вода поднимается за ним. Он стал на салинг и обхватил стеньгу, не спуская глаз с воды. Черная слепая зыб ходила там, внизу, но теперь она не шла выше, как будто бы мачта перестала погружаться. Но Федька не верил и не отводил глаз от воды.

Капитан Паркер молчал и глядел вперед, как будто ожидая еще чего-то. Ему казалось, что это еще не все. А «Мэри» все удалялась от места крушения. Команда выскочила на палубу, все тревожно спрашивали бакового, что случилось.

«Все правильно, да, да, все правильно...» — думал Паркер. Он сам не ожидал, что так все это будет, и теперь испуганная совесть искала оправданий.

— Капитан, там ведь люди остались! — взволнованным голосом сказал Юз.

— Да, да... — ответил Паркер, не понимая слов помощника.

— Право на борт! — крикнул Юз рулевому. — Обратный румб!

— Есть обратный румб! — торопливо ответил рулевой.

— Да, да, обратный румб, — сказал Паркер, как будто приходя в себя.

Команда без приказаний готовила шлюпку к спуску.

«Мэри» малым ходом пошла назад, к месту крушения. Матросы толпились на баке и, перебрасываясь тревожными словами, напряженно вглядывались в темноту ночи.

— Здесь, должно быть, — сказал Юз.

— Стоп машина! — скомандовал Паркер.

«Мэри» медленно шла с разгону. Но никто ничего не видел. Паркер скомандовал, пароход делал круги; наконец всем стало ясно, что места крушения не найти, не увидеть даже плавающих обломков в темноте осенней дождливой ночи.

— Найти, непременно найти, — шептал Паркер, — всех найти, они тут плавают. Они хорошо умеют плавать... Мы всех спасем, — говорил он вслух. — Не так ли, Юз?

Юз молчал.

— Да, да, — отвечал сам себе капитан.

И он крутил, то увеличивая ход, то вдруг останавливая машину. Так длилось около часа.

— На курс, — вполголоса сказал Юз, подойдя к рулевому, и дал полный ход машине.

«Мэри» пошла опять своей дорогой на юг.

— Ведь за три сажени показались огни, Юз, не правда ли? — сказал Паркер.

— Не знаю, капитан... — ответил помощник, не повернув головы.

Паркер ушел в каюту.

Теперь он думал: «Там остались в море люди... их спасут. Ну, может быть, одного... он расскажет... а если все утонули, парусника не так скоро хватятся».

Он старался себя успокоить, вспоминая рассказы товарищей моряков, какие он слышал. Как-то все выходило с победой, и было даже весело и смешно. Он попробовал весело подумать, но случайно увидел свое лицо в зеркале, и ему стало страшно. Ему показалось, что теперь он не ведет пароход, а Юз везет его, Паркера, туда, в Константинополь. Ему казалось, что самое главное — вырваться из этого проклятого Черного моря. Пролыгнуть через Босфор, чтобы не узнали. Проклятый серый цвет — все пароходы черные. Если б червый!.. Ему хотелось сейчас же вскочить и замазать этот предательский серый цвет.

Вдруг Паркер встал, вышел и быстро прошел в штурманскую рубку, где лежали морские карты. Через пять минут он подошел к Юзу и сказал:

— Ложитесь на курс норд-вест, восемьдесят семь градусов.

«Мэри» круто повернула вправо.

Когда Паркер ушел, Юз глянул в карту: они шли к устью Дуная.

Русский пассажирский пароход возвращался из александрийского рейса. Не прекращавшийся всю ночь сильный восточный ветер развел большую зыбь. Низкие тучи неслись над морем. Насилу рассвело. Продрогший вахтенный штурман кутался в пальто и время от времени посматривал в бинокль, отыскивая Федонисский маяк¹, и ждал смены.

— Маяка еще не видать,— сказал он пришедшему товарищу,— а вот там вежа какая-то.

— Никакой тут не должно быть.

— Посмотрите,— и он передал бинокль.

— Да, да,— сказал тот, посмотрев.— Да, стойте, на ней что-то... Это мачта, право, мачта.

Доложили капитану, и вот пароход, уклонившись от пути, пошел к этой торчавшей из воды мачте. Скоро вся команда узнала, что идут к какой-то мачте, и все высыпали на палубу.

---

¹ Маяк на острове Федониси, против устья Дуная.

— Побей меня господь, на ней человек, чтоб я пропал!— кричал какой-то матрос.

Но с мостика в бинокль давно уже различили человека и теперь приказали спустить шлюпку. Это трудно было сделать при таком волнении, и шлюпку чуть не разбило о борт парохода. Но всем наперерыв хотелось поскорее подать помощь и узнать, в чем дело. Даже бледные от морской болезни пассажиры вылезли на палубу и ожили. Пароход стоял совсем близко, и всем уже ясно было видно, что на салинге торчавшей из воды мачты сидел мальчик.

Все напряженно следили за нырявшей в зыби шлюпкой. Подойти к мачте так, чтоб кому-нибудь перелезть на нее, нельзя было, а мальчик вниз не спускался: видно было, как кричали со шлюпки и махали руками.

— Умер, умер!— говорили пассажиры.— Застыл, бедняга.

Но мальчик вдруг зашевелился. Он, видимо, с трудом двигал руками, распутывая веревку вокруг своего тела. Потом он зашатался и плюхнулся в воду около самой шлюпки, едва не ударившись о борт. Его подхватили.

Федька был почти без чувств; с трудом удалось вырвать у него несколько слов: «Ночью... серый... нашу «Марию»... с ходу в бок...» Он скоро впал в беспамятство и бесвязно бредил. Но моряки уже знали, что случилось, и в тот же день из порта полетели телеграммы: нетрудно было установить, какой серый пароход мог оказаться в этом месте в ту ночь.

Дней через пять после крушения «Мария» черный английский пароход пришел в Константинополь и стал на якорь в проливе. Штурман отправился на шлюпке предъявить свои бумаги портовым властям. Через час к пароходу пришла с берега шлюпка с английским флагом.

— Я британский консул,— сказал вахтенному матросу высадившийся джентльмен,— проводите меня к капитану.

Капитан встал, когда в дверях каюты появился гость.

— Я здешний консул. Могу с вами переговорить? Вы капитан Артур Паркер, не так ли?

— Да, сэр...

Капитан покраснел и пахмурился. Он волновался и забыл пригласить гостя сесть.

— Откуда вы идете?— спросил консул.

— Мои бумаги на берегу.

— Мне их не надо, я верю слову англичанина.

— Из... Галаца, сэр.

— Но вы шли из России?— спросил консул.— У вас был груз для Галаца?

— Ремонт,— сказал Паркер. Он с трудом переводил дух, и консулу жалко было смотреть, как волновался этот человек.— Маленький... ремонт, сэр... в доке.

— И там красились?— спросил консул.

Паркер молчал.

Консул достал из бумажника телеграмму и молча подал ее Паркеру. Паркер развернул бумажку. Глаза его бегали по буквам, он не мог ничего прочесть, но видел, что это то, то самое, чего он так боялся. Он уронил руку с телеграммой на стол, смотрел на консула и молчал.

— Может быть, вы отправитесь со мной в консульство, капитан? Вы успокоитесь и объяснитесь,— сказал наконец консул.

Паркер падел фуражку и стал совать в карманы тужурки вещи со стола, не понимая, что делает.

— Не беспокойтесь, за венцами можно будет послать с берега,— сказал консул.

На палубе их встретил Юз. Он уже знал, в чем дело.

— Простите,— обратился он к консулу,— они все...

— Спасся один только мальчик, он дома и здоров,— ответил консул.— Их было восемь...

Паркер вздрогнул и, обогнав консула, не глядя по сторонам, быстрыми шагами направился к шлюпке. Теперь он хотел, чтобы его скорее арестовали.

На другой день черная «Мэри» вышла в Ливерпуль под командой штурмана Эдуарда Юза.

КОМПАС

Было это давно, лет, пожалуй, тридцать тому назад. Порт был парохóдами набит — стать негде.

Придет пароход — вся команда высыпает на берег, и остается на пароходе один капитан с помощником, механики.

Это моряки забастовали: требовали устройства союза и чтоб жалованья прибавили.

А парохóдчики не сдавались — посидите голодом, так небось назад запроситесь!

Вот уже тридцать дней бастовали моряки. Комитет выбрали. Комитет бегал, доставал поддержку: деньги собирал.

Впроголодь сидели моряки, а не сдавались.

Мы были молодые ребята, лет по двадцать каждому, и нам черт был не брат.

Вот сидели мы как-то, чай пили без сахара и спорили: чья возьмет.

Алешка Тищенко говорит:

— Нет, не сдадутся парохóдчики, ничто их не возьмет. У них денег мешки наворочены. Мы вот чай пустой пьем, а они...

Подумал и говорит:

— А они лимонад.

А Сережка-Горилла рычит:

— Кабы их с этого лимонаду не вспучило. Тридцать дней хлопцы держатся, пять тысяч народу на бульваре всю траву штанами вытерли.

А Тищенко свое:

— А им что? Коров на твоём бульваре пасти? Нанугал чем!

И ковыряет со злостью стол ножиком.

Тут влетает парнишка. Вспотелый, всклокоченный. Плюнул в пол, хлопнул туда фуражкой, кричит:

— Они здесь чай пьют!..

— Лимонад нам пить, что ли?— говорит Тищенко и волком на него глянул.

А тот кричит бабым голосом:

— Они чай пьют, а с «Юпитера» дым идет!

Тищенко:

— Нехай он сгорит, «Юпитер», тебе жалко?

— С трубы,— кричит,— с трубы дым пошел!

Тут мы все встали, и Сережка-Горилла говорит:

— Это не дым идет, а провокация.

Парнишка плачет:

— Черный! Там дворники под котлами шевелят. Пошли!

Выскочили мы, пошли к «Юпитеру».

Верно, из паровой трубы шел черный дым, а кругом — и на сходне, и на пристани, и на палубе — кавалеры в черных тужурках. Рукава русским флагом обшиты, и на поясе револьверы.

Не подойти!

— Союзники русского народа,— объясняет парнишка.

Будто мы не знаем, что такое «союз русского народа» — полицейская порода.

Когда мы на бульвар пришли, только и разговору, что про «Юпитер». Стоят народ, и все на дым смотрят.

Взялся капитан с дворниками в рейс пойти, сорвать матросскую забастовку. Капитан — из «русского народу», и охрану ему дали: двадцать пять человек. Дворники не дворники, а уголь шевелят здорово. На руль помощников капитан поставит, в машину — механиков...

— Очень просто, что снимутся,— говорит Тищенко,— а в Варне заграничную команду возьмут — и дошел.

Сережка вдруг осканился, говорит:

— Не пустим!

— Ты ему соли на корму насыпь,— смеется Тищенко.

— Знаем, как насолить,— говорит Сережка. — Пойдем... — И толкает меня под бок.

Вышли мы из толпы.

Сережка мне говорит:

— Ты не трус?

— Трус,— говорю.

Он помолчал и говорит:

— Так вот, приходи ты сегодня в одиннадцать часов на Угольную, я около трапа тебя ждать буду. И никому ничего.

Пальцем помахал и пошел прочь.

Чудак!

Прихожу в одиннадцать на Угольную пристап. Фонари электрические горят, и от пристани на воду густая тень ложится — ничего не видать под стенкой. Дошел до трапа, на ступеньках сидит Сереекка-Горилла. Сел я рядом.

— Что, — спрашиваю, — ты падумал?

— Полежай, — говорит, — в тузик вон у плота, дорогой обмозгуем.

Рассмотрелся, вижу плот и тузик.

Пошел я по плоту — не видать, где плот кончается. Ступил на воду, как на доску, и полетел в воду. Самому смешно: шинель, вокруг меня вепчиком плавает и я — как в розетке.

А вода весенняя, холодная.

Я в туз. Пока вылез, хорошо памок.

Разделся я до белья — и холодно и смешно. Стал грести, согрелся.

— Ну, — говорит Сереекка, — начало хорошее. А сделаем мы вот что: я на «Юпитере» путевой компас из нактоуза¹ выверну и тебе в мешке спущу.

— А как подойдем? Трап ты спросишь у охрапликов?

— Нет, — говорит, — там угольная баржа о борт с ним стоит, какого-нибудь дурака сваем.

— Сваем, — говорю.

И весело мне стало. Гребу я и все думаю, какого там дурака будем валять. Как-то забыл, что «союзники» там с револьверами.

А Сереекка мешок скручивает и веревку приготавливает.

Обогнули мол. Вот он, «Юпитер», вот и баржошка деревянная прикорнула с ним рядом. Угольщица.

Гребу смело к пароходу. Вдруг оттуда голос:

— Кто едет?

Ну, думаю, это береговой — флотский крикнул бы: «Кто гребет?»

И отвечаю грубым голосом:

— Та не до вас, до деда.

— Какого деда там? — уж другой голос спрашивает.

---

¹ Нактоуз — медный предохранительный колпак с фонарями на компасе.

А на такой барже пикакого жилья не бывает, никаких дедов, и всякий гаваанский человек это знает.

А я гребу и кричу ворчливо:

— Какого деда? До Опанаса, на баржу,— и протпскиваю груз между баржой и парходом.

Сереекка окликает:

— Опанас! Опанас!

С пархода помогают:

— Дедушка, к вам приехали!

Залез я на баржу, с борта прыгнул на уголь и пошел в нос. А нос палубой прикрыт.

И говорю громко:

— Дедушка, дедушка, это мы. Какой вы сторож! Вас палкой не поднять,— павелию уголь ногой.

Смотрю — и Сереекка лезет ко мне.

Чиркнул спичку. А я стариковским голосом шамкаю:

— Та не жгите огня, пожару наделаете, шут с вами.

Сереекка, дурак, смеется.

— Да, да, не зажигайте спичек, мы вам фонарь сейчас дадим.

И затопали по палубе.

Сереекка говорит мне:

— А чудак ты, дедушка, ей-богу, чудак!

Я выглянул из-под палубы. Смотрю, уже фонарь волочут.

Я скорей к ним.

К мокрому белью уголь пристал — самый подходящий вид у меня сделался, это я уже при фонаре заметил.

Сидим мы с фонарем под палубой и вполголоса беседуем.

Я все шамкаю.

— Лезь,— шепчет Сереега,— в туз, а как уйдут с борта — стукни чуть веслом в борт.

Я полез в туз.

Вдруг Сереега громко говорит:

— Так вода, говоришь, у тебя в носу оставлена, дедушка?

А я знаю, что он один там, и отвечаю из туза:

— В носу, в носу вода!

— Так заткни, чтоб не вытекала! Не тебя спрашивают,— говорит Сереега.

На борту засмеялись. А Сереега зашагал по углю в корму. Потом вернулся. Опять прошел на корму, и все смолкло.

Смотрю — один только человек остался у борта.

— Эй,— говорит,— фонарь-то потом верните.

И отошел. Стало тихо.

Я подождал минут пять и стукнул веслом в баржу. Бережно, но четко: тук!

И тут заколотилось у меня сердце. Я прислушивался во все уши, но, кроме сердца своего, ничего не слышал.

Глянул вверх — через щели в барже светит фонарь.

Прошел человек по палубе. Перегнулся через борт и спрашивает, как пачальник:

— Это что за лодка?

И я чувствую, что скажу слово — голос сорвется. Молчу.

Он опять. Крикнул уже:

— Что это за лодка! Эй, ты!

Тут сму кто-то из ихних ответил:

— Это сюда, на баржу, к старику, свои приехали.

— Ага,— говорит и отошел.

Опять стало тихо. Я уже вверх не гляжу, смотрю по борту парохода.

Вдруг что-то вниз ползет серое по черному борту.

Я замер. Дошло до воды — стало.

Мешок.

Вся сила ко мне вернулась.

Не брякнул я, не стукнул. Протянулся тузом по борту вперед, ухватил мешок — здорово тяжелый! — и осторожно опустил в туз. В это время туз качнуло: глянул — Сережка уже стоит на корме.

Он по той же веревке слез, на которой и мешок опустил.

Я взялся за весла и стал потихоньку прогребаться вперед.

В это время с парохода кто-то крикнул:

— Эй, дед, фонарь давай! Заснул?

И мы слышали, как кто-то спрыгнул на баржу.

Я чуть приналег посильнее.

Фонарь стал метаться по барже.

На пароходе закричали, заголосили.

Бах, бах! — щелкнули два выстрела.

— Эй, навались!

Мы уже огибали маяк. Сережка оглянулся и сказал:

— Шлюпки за нами — навались!

Я рванул раз, два — и правое весло треснуло, я повалился с банки¹.

¹ Б а в к а — скамья на шлюпке.

Вскочил, смотрю — Сережка гребет по-индейски, обломком весла; как он успел на таком ходу ухватить обезьяньей хваткой обломок весла, до сих пор не пойму.

Мы завернули за мол в темную полосу под стенкой и забились между большим пароходом и пристанью, как таракан в щель.

Мы видели, как из-за мола вылетела белая плюпка. Гребли четверо. Гребли вразброд, бестолково. Орали и стреляли.

Через полчаса мы прокрались под стенкой к своей пристани.

...Наутро пришли мы с Серегой на бульвар.

Еще пуще раздymился «Юпитер».

— Снимается, снимается анафема, — говорит Тищенко.

— Капитан там аккуратист — все уже в порядке.

А тут сбоку подбавляют:

— Лиха беда начать — все пароходы вылезут. Наберут арапов, охрану поставят — и айда. Завязывай!

Тут какой-то вскочил на скамейку и начал:

— Товарищи! Не надо паники. Сотня арапов весны не делает, — и пошел и пошел...

А мы с Серезкой переглядываемся.

Снялся «Юпитер». Вышел из порта.

Ну, думаю, через полчаса пойдет капитан курс давать, глянет в путевой компас...

Погудел народ и приуныл. Сели на землю и трут затылки шапками. Всем досада.

Мы с Серезкой ушли, так никому и слова не сказали.

Зашли в трактир, чаем пополоскались.

Дружина прошла строем, что на охране парохода была.

Серьезно идут, волками по сторонам смотрят.

Часа три прошло.

Вдруг вой с бульвара, да какой! Ну, думаем, полиция орудует на бульваре.

Бросились бегом.

Смотрим — все стоят, в море смотрят и орут.

А это «Юпитер» идет назад в порт. Увидал его народ, вой поднял.

А Серга мне говорит:

— Смотри же, ни бум-бум, чтоб никто ничего!

Я так до сего времени и молчал.

Ну, теперь уж и сказать можно...

БАТА

Это наконец нас стало зедать. Приходишь, бывало, в порт. Вот он, таможенный досмотр, ходит и поглядывает, во все уголки нос засовывает.

— Что у вас тут? А под койкой что? А в вептляторе что?

И ничего не паходит.

А тут, сморгните, один нашелся такой скорпион, то есть досмотрщик, что ничего ему не падо пскать, прямо:

— Вот эту доску мне оторвите!

— Как так рвать? А назад кто ее пришивать будет?

— А если ничего там нет, то все в прежний вид приведу я. А как обнаружено будет к провозу недозволеннос, то сами должны понимать...— И пальчиком стучает:— Вот в этом самом месте.

Чиновник, что с ним ходит, брови поднимает, ему в глаза засматривает: так ли, мол? Как бы сраму не было!

А этот скорпион долбит пальчиком:

— Небеспрременно здесь.

Рвут доску — и как чудо: в том самом месте штука шелка.

Потом идет тихонечко в кочегарку, сразу в угольную яму:

— Вот тут копайте.

А в этих угольных ямах угля паворочено гора, и раскидывать его некуда, да и темнота, только лампочка электрическая коптит. А он, как конь, ногой топчет этот уголь.

— Здесь копайте.

Роят.

— Ну,— говорят,— ничего там не сыщешь, тебя туда самого закопаем живого.

В этот уголь чиновник попевале лезет. Назло ребята пыль поднимают, уголь швыряют лопатами, как от собак отбиваются. Гром стоит — ведь железо кругом. Коробка это

железная — угольная-то яма. Называется только так. Чиновник хихает, платочком рот прикрывает. А скорпион все пижге лезет и лампочку на шнурке тянет.

— Зачем левой берешь? Нет, ты вот здесь, здесь копай. Ага! Это что?

И лапами, что когтями, — цап! Пакет. Наверх, на палубу. Тут распутывать, разворачивать — бумажки. Какие такие бумажки? Хлоп — и жандарм тут.

— Эге-с! — говорит жандарм. — Попятно-с. Механика сюда! Капитана!

Акт писать: найдены зарытыми бумажки, а бумажки насчет того, чтобы царя долой, фабрикантам по затылку, и вообще неприятные бумажки. А пришли из-за границы.

Потом слух проходит, что дознались: бумажки за границей печатались, даже журнальчик среди бумажек нашли. Даже кипку изрядную. Журнальчик-то на тоненькой бумажке отпечатан.

Тут всю машинную команду перетрясли. Водили, допрашивали. Двоих так назад и не привели.

А скорпион этот уже гоголем ходит. То есть как это сказать? Он до сих пор змеей смотрел, а уж теперь прямо аспидом. Идешь мимо, а он дежурным на переезде стоит и провожает тебя глазами, как из двустволки целит. И, видать, трусит, как бы кто его не угораздил булыжником. Оружие им не полагалось по форме, по этому, слышно было, выдали револьвер, чтобы держал в кармане на случай чего. И все это знали.

Чиновник при всех ему говорил:

— С тобой бы, Петренко, клады в лесах искать. С тобой и рентгена никакого не надо. Как это ты? А?

— Это, ваше высочоредие, нюх и практика.

Однако взял двух. Но мы-то с Сенькой остались на пароходе. На берегу мы с ним имели совет меж собой. Ясно, что глаза скорпионовы с нами плавают, кто-то смотрит, слушает и заваливает публику. И мудреного тут нет ничего. У кочегаров и матросов на носу общие помещения — кубрики: кочегарский и матросский. По борту — койки в два этажа и по переборке, такие же. Посреди стол. В углу икона, а над койками карточки, картинки разные. Все вместе едят, вместе спят. Тут чуть что пошептал, сейчас всем видать и все слышать. Потренились ребята или без оглядки языком били, только это уже факт, что есть засыпайлы какие-нибудь меж своих же. А вот кто? Стали план раз-

бывать: кто бы это был и как его узнать? А на пароходе стало совсем паршиво: все друг на друга волком. Всякий думает: «Это ты засыпал». Да и верно. У одного два несчастных фунта цейлонского чая, и то нащупал этот скорпион. Его ребята угощать пробовали. Откупорят заграничную бутылку, ему стакан. Выпьет, губы оботрет: «Доброе випо! А в сундучке у вас как?»

Но нам с Сенькой было задание — держать связь с заграницей, доставлять журналы. А тут па! Провалили, и двое людей засыпалось. Это с какими глазами мы туда выйдем! Хотя списывайся на берег на другой пароход. И тут наши товарищи, здешние, стали срамить. Нас с Сенькой такая досада взяла, что тех двух арестованных, кочегаров этих, даже и не жалели. Ругали прямо.

А в комитете нам сказали:

— Товарищи дорогие, мы уж и не знаем, как вам и доверять. То есть ребята вы, может, и верные, но нам сейчас швыряться сотнями номеров нельзя: время горячее. Это не шутки. Не коньяк в пазухе проносить. Мы другой путь будем искать.

И все на нас глядят, и каждый думает, что мы с Сенькой шляпы и свистунки.

— Вы, — говорят, — товарищи, обдумайте.

Тогда я говорю:

— Этот рейс мы не берем: действительно, надо все проверить. И мы скажем, а когда скажем, то уж... одним словом, скажем.

Что тут было говорить? Пошли мы как оплеванные. Но про доносчика этого решили, что выловим, и тогда уж его, гада, за борт. Мало ли что, упал человек за борт. Ночью. Бывает же такое.

Всех мы перебрали с Сенькой. Всех обсудили. Да нет, все будто одинаковые. На всякого можно подумать. И вот что выдумали. Выдумали мы уже в море, когда снялись, а совсем уговорились в персидском порту, в Бассоре.

Принимали мы там хлопок. Это как бы побольше кубического метра тюк. Он зашит в джут и затянут двумя железными полосами, как ремнями. Вата, а в таком тюке четырнадцать пудов ее. Это ее прессом так прессуют, что она там, в этом пакете, как камень. Даже не мягкая ничуть.

И вот наш план.

Будем говорить в кубрике за столом вдвоем по секрету.

И смотреть, чтобы только один человек мог нас слушать. И начисто никто больше. И говорить будем, как вроде секрет меж собой. Так, к примеру: «Так ты не забыл, значит, как это место?» — «Нет, на каждой стороне красная точка с пятком». — «А сколько там номеров?» — «А две сотни газет положено, так сказывали».

А при другом говорить, что не точка, а кресты по углам черные. И для каждого разные марки. И, чтобы не спутать, Сенька все себе запишет где-нибудь.

Нас на погрузке ставили трюмными; это значит стоять в трюме и глядеть, чтобы грузчики правильно раскладывали груз. Грузчики — персы; значит, что я ни делаю, рассказать они не могут. А потом я над ними вроде распорядитель всех делов. Сенька у себя во втором — тоже. Каждый взял по ведерку с краской и кисточкой. Это мы наперед приготовили. И жара там, в Бассоре, немислимая. Краска стынет, как плевков на морозе. Вот я делаю вроде тревогу, персы на меня смотрят. Я сейчас с ведерком и мечу красным тюк. Они думают, что это надо по правилу. Я приказываю: осторожно, не размажь и кати его туда. Они слушают. Уж к обеду мы все марки наши поставили — двадцать семь марок, по числу людей. Теперь осталось двадцать семь разговоров устроить. И чтобы виду не показывать, что мы это «на пушку» только.

Первый раз чуть все не пропало. Сенька — смешливый. Я при Осипе так серьезно начинаю:

— А ты, — говорю, — помнишь, какую ты марку ставил?

И вижу — Сенька со смеху не прожует. Меня в смех вводит. Не могу на него глядеть.

— Ты выйди на палубу, — говорю, — погляди, француз нас догоняет, «Мессажери».

Он еле до порога добежал. Ну что ты с таким станешь делать? Я уж думал, пропало наше дело.

Потом ему говорю:

— Если ты мне на разговор смешки начнешь и комики разные строить, то, чтобы мне стореть, я тебя тут же вот этой медной кружкой по лбу. Разобрал?

Опять, что ли, с Осипом наново начинать? Оставили его напоследок. Взяли Зуева. Он все папиросы набивал. Сядет с гильзами и штрикает, как машина. Загонял потом их тут же промеж своих, кто прокурится. Он себе штрикает, а мы вроде не замечаем. Начали разговор.

Селька со всей своей, вidać, силой собрал губы в трубку и не своим голосом, как удавленник:

— Красным крестом метпл.

Ходу нам до дому месяц, а за месяц мы всех двадцать семь человек разместили, на все наши двадцать семь марок, и всех записали.

Потом я Сельку спрашиваю:

— На кого думаешь?

— На Осипа,— говорит.— Он аккурат присунулся ближе, как ты сказал, что двести номеров. А ты на кого?

А я сказал, что Кондратов. И потому Кондратов, что он сейчас встал и отошел. Только услышал, что кружком мечево, и сейчас же запел веселое, вроде нигде ничего, и воп вышел.

— На Осипа,— говорю,— думать чего. Он человек семейный, ему подработать без хлопот, да вот сахару не ест, домой копит.

А уж к порту подходили, я уж совсем смешался, на кого думать. Семейный, а может быть, он самый и есть предатель, этим и подрабатывает. Другой вот — Зуев, чего он веселый, падо — не надо? Чего он ломоты эти строит? Так его и крутит, будто штонор в него зашипели. Из кочегаров двое тоже были у нас на мушке. Потом нам стало казаться, что на нас все по-волчьи глядят. Может, меж собой рассказывали про наш разговор? Уж не знали, как до порта дойдем.

Однако ничего. Опять чиновник к нам, опять этот самый скорпион, жапдарм, все как полагается. Но только началась выгрузка, видим, бесшменно скорпион стоит и каждый подъем глазом так и облизывает. Мы тоже поглядываем. Грузчики на берегу берутся по четыре человека, таскают эти тюки и городят из них штабель. Вдруг этот скорпион:

— Эй, эй, неси прямо в проходную таможеню! Неси, неси, не рассказывай.

Хорошо, я заметил, а то сами бы мы проморгали,— с красным крестом на углу.

Я в заметку — Зуев.

Но уже по всему пароходу шум: понесли тюк хлопка в таможеню. Сейчас уж чиновник пришел на пароход, приглашает немедленно нашего старшего помощника — капитан в городе был, на берегу. Еще двоих понятых из команды. Бодман говорит мне: «Ты побудешь». И еще кочегар один.

Приходим. Комнатка небольшая, всего одна скамейка по стене. Два окошка. В окошки люди глядят. Посреди этот тюк. Чиновник стоит, губу облизывает. А скорпион весь на взводе. Шепчет чиновнику грозно что-то в ухо. Чиновник уж перед ним так и ахает.

— А скажите, пожалуйста! Да уж знаю, насквозь видишь, рептген!

Ждали жандарма. Вот и жандарм. Послали кочегара за кусачками. Живо принес. Наш старший помощник говорит:

— Пишите акт, что вот кина хлопка в четырнадцать пудов, что по вашему требованию, что вы отвечаете.

Чиновник со смешком:

— Па-ажалуйста, сделайте ваше любезнейшее одолжение.

Тут же на скамейке папку расстелил и пишет.

— Откупоривай, — говорит помощник кочегару.

— Есть! — И кочегар — хлоп-хлоп! — перекусил обручи.

Кипа, как живая, поддала спиной и распухла.

— Режь!

Полоснул кочегар по джуту, раскрыл: белая вата плотно лежит, будто снег, лопатой прибитый.

— Начинай, — шепотком говорит чиновник.

И начал скорпион сдирать слой за слоем эту вату. Чиновник тут же крутится. В окна столько народу нажало, что в комнате темно стало. Жандарм два раза ходил отпугивать. А ваты все больше да больше. Конпет се скорпион — ломоток один, а начнет трепать — глядишь, облако выросло. Чиновник уж весь в пуху, пятится. Дорогше мои! Скорпион еще и четверти кипы этой не отодрал — полкомнаты ваты, и уж окно загородило. Он уж в ней по пояс стоит, как в кене, и уж со злости огрызается, рвет ее клочьями, ямку посередине копает.

Кочегар говорит:

— Пилу, может, принести?

Чиновник как гаркнет:

— Вон отсюда, мерзавец!

А наш старший:

— Это как же? Запишите в акт: оскорбили понятого.

Мы уже к двери пятимся, вата на нас наступает. Чиновник видит — костюм уж не уберечь, там же роется.

Их уже там не видно стало, как во сне потонули вовсе. А старший наш кричит:

— Ничего не видать, может обман, может еще сами подложите чего?

Уж и взбеленился чиновник, выбегает оттуда: домовый по домовый — чучело белое, вата на нем шерстью. Эх, тут как заорут ребята:

— Дед-мороз!

Он — назад. Они там с досмотрщиком вату топчут, примять хотят, да где! Она пухнет, всю комнату завалила, а полкипы еще нет.

Выскочил таможенный чиновник.

— Мерзавец! — кричит. — Запереть его там!

И побежал домой. Мальчишек за ним табун целый. Я на пароход. К Сеньке: «Где Зуев?» — «Сейчас был». Мы туда-сюда, нет Зуева. Так больше и не видал его никто. Сундучок его сдали в контору. И за сундучком никто не пришел.

МЕХАНИК САЛЕРНО

(Было давно)

I

Итальянский пароход шел в Америку. Семь дней он плыл среди океана, семь дней оставалось ходу. Он был в самой середине океана. В этом месте тихо и жарко.

И вот что случилось в полночь на восьмые сутки.

Кочегар шел с вахты спать. Он шел по палубе и заметил, какая горячая палуба. А шел он босиком. И вот голую подошву жжет. Будто идешь по горячей плите. «Что такое?— подумал кочегар.— Дай проверю рукой.— Он нагнулся, пощупал.— Так и есть, очень нагрета. Не может быть, чтобы с вечера не остыла. Неладно что-то». И кочегар пошел сказать механику. Механик спал в каюте. Раскпнулся от жары. Кочегар подумал: «А вдруг это я зря, только кажется? Заругает меня механик: чего будишь, только уснул».

Кочегар забоялся и пошел к себе. По дороге еще раз тронул палубу. И опять показалось — вроде горячая.

II

Кочегар лег на койку и все не мог уснуть. Все думал: сказать, не сказать? А вдруг засмеют? Думал, думал, и стало казаться всякое, жарко показалось в каюте, как в духовке. И все жарче, жарче казалось. Глянул кругом — все товарищи спят, а двое в карты играют. Никто ничего не чует. Он спросил игроков:

— Ничего, ребята, не чувствуете?

— А что?— говорят.

— А вроде жарко.

Они засмеялись:

— Что ты, первый раз? В этих местах всегда так. А еще старый моряк!

Кочегар крикнул и повернулся на бок. И вдруг в голову ударило: «А что, как беда идет? И наутро уже повдно

будет? Все пропадем. Океан кругом на тысячи верст. Потонем, как мыши в ведре».

Кочегар вскочил, натянул штаны и выскочил наверх. Побежал по палубе. Она ему еще горячей показалась. С разбегу стукнул механпку в двери. Механик только мычал да пыхтел. Кочегар вошел и потолкал в плечо. Механик нахмурился, глянул сердито, а как увидел лицо кочегара, крикнул:

— Что случилось?— и вскочил на ноги.— Опять там подрались?

А кочегар схватил его за руку и потянул вон. Кочегар шепчет:

— Попробуйте палубу, синьор Салерно.

Механик головой спросонья крутит — все спокойно кругом. Пароход идет ровным ходом. Машина мурлычет мирно впризу.

— Рукой палубу тропьте,— шепчет кочегар; схватил механпка за руку и прижал к палубе.

Вдруг механик отдернул руку.

— Ух, черт, верно!— сказал механик шепотом.— Стой здесь, я сейчас.

Механик еще два раза пощупал палубу и быстро ушел наверх.

III

Верхняя палуба шла навесом над нижней. Там была каюта каштана.

Капитан не спал. Он прогуливался по верхней палубе. Поглядывал за дежурным помощником, за рулевым, за огнями.

Механик задыхался от скорого бега.

— Капитан, капитан!— говорит механик.

— Что случилось?— И капитан придвинулся вплотную, глянул в лицо механику и сказал:— Ну, ну, пойдите в каюту.

Капитан плотно запер дверь. Закрыл окно и сказал механику:

— Говорите тихо, Салерно. Что случилось?

Механик перевел дух и стал шептать:

— Палуба очень горячая. Горячей всего над трюмом, над средним. Там кны с пряжей и эти бочки.

— Тсс!— сказал капитан и подвнял палец.— Что в боч-

как, знаем вы да я. Там, вы говорили, хлористая соль? Не горячая?— Салерно кивнул головой.— Вы сами, Салерно, заметили или вам сказали?— спросил капитан.

— Мне сказал кочегар. Я сам пробовал рукой.— Механик тронул рукой пол.— Вот так. Здорово...

Капитан перебил:

— Команда знает?

Механик пожал плечами:

— Нельзя, чтобы знали пассажиры. Их двести пять человек. Начнется паника. Тогда мы все погибнем раньше, чем пароход. Надо сейчас проверить.

Капитан вышел. Он покосился на пассажирский зал. Там ярко горело электричество. Нарядные люди гуляли мимо окон по палубе. Они мелькали на свету, как бабочки у фонаря. Слышен был веселый говор. Какая-то дама громко хохотала.

IV

— Идти спокойно,— сказал капитан механику.— На палубе — по звуку о трюме. Где кочегар?

Кочегар стоял, как приказал механик.

— Давайте градусник и веревку, Салерно,— сказал капитан и закурил.

Он спокойно осматривался кругом. Какой-то пассажир стоял у борта.

Капитан зашагал к трюму. Он уронил папироску. Стал поднимать и тут пощупал палубу. Палуба была нагрета. Смола в вазах лила к руке. Капитан весело обругал окурок, кинул за борт.

Механик Салерно подошел с градусником на веревке.

— Пусть кочегар смотрит,— приказал капитан шепотом.

Пассажир перестал глядеть за борт. Он подошел и спросил большим голосом:

— Ах, что это делают! Зачем, простите, эта веревка? Веревка, кажется?— И он стал щупать веревку в руках кочегара.

— Ну да, веревка,— сказал капитан и засмеялся.— Вы думали, змея? Это, видите ли...— Капитан взял пассажира за пуговку.— Иди,— сказал капитан кочегару.— Это, видите ли,— сказал капитан,— мы всегда в пути мерим. С палубы идет труба до самого дна.

— До дна океана? Как интересно!— сказал пассажир.

«Он дурак,— подумал капитан.— Это самые опасные люди».

А вслух рассмеялся:

— Да нет! Труба до дна парохода. По ней мы узнаем, много воды в трюме или нет.

Капитан говорил сущую правду. Такие трубы были у каждого трюма.

Но пассажир не унимался.

— Значит, пароход течет, он дал течь?— вскрикнул пассажир.

Капитан расхохотался как мог громче:

— Какой вы чудак! Ведь это вода для машины. Ее нарочно запасают.

— Ай, значит, мало осталось!— И пассажир заломил руки.

— Целый океан!— И капитан показал за борт.

Он повернулся и пошел прочь. Впотьмах он заметил пассажира.

Роговые очки, длинный нос. Белые в полоску брюки. Сам длинный, тощий.

Салерно чиркал у трюма.

V

— Ну, сколько?— спросил капитан.

Салерно молчал. Он выпучил глаза на капитана.

— Да говорите, черт вас дерит!— крикнул капитан.

— Шестьдесят три,— еле выговорил Салерно.

И вдруг сзади голос:

— Святая Мария, шестьдесят три!

Капитан оглянулся. Это пассажир, тот самый. Тот самый, в роговых очках.

— Мадонна путана!— выругался капитан и сейчас же сделал веселое лицо.— Как вы меня напугали! Почему вы бродите один? Там наверху веселее. Вы поссорились там?

— Я нелюдим, я всегда здесь один,— сказал длинный пассажир.

Капитан взял его под руку. Они пошли, а пассажир все спрашивал:

— Неужели шестьдесят? Боже мой! Шестьдесят? Это ведь правда?

— Чего шестьдесят? Вы еще не знаете чего, а расстра-

иваетесь. Шестьдесят три сантиметра. Этого вполне хватит на всех.

— Нет, нет!— мотал головой пассажир.— Вы не обманете! Я чувствую.

— Выпейте коньяку и ложитесь спать,— сказал капитан и пошел наверх.— Такие всегда губят,— бормотал он на ходу.— Начнет болтать, поднимет тревогу. Пойдет паника.

Много случаев знал капитан. Страх — это огопь в солеме. Он охватит всех. Все в один миг потеряют ум. Тогда люди режут по-звериному. Толпой мечутся по палубе. Бросаются сотнями к шлюпкам. Топорами рубят руки. С воем кидаются в воду. Мужчины с ножами бросаются на женщин. Пробирают себе дорогу. Матросы не слушают капитана. Давят, рвут пассажиров. Окровавленная толпа бьется, ревет. Это бунт в сумасшедшем доме.

«Этот длинный — спичка в соломе»,— подумал капитан и пошел к себе в каюту. Салерно ждал его там.

VI

— Вы тоже!— сказал сквозь зубы капитан.— Выпучили глаза — утопленник! А этого болвана не увидели? Он суется, носится за мной. Нос свой тычет, тычет,— капитан тыкал пальцем в воздух.— Он всюду, всюду! А нет его тут?— И капитан открыл двери каюты.

Белые брюки шагнули в темноте. Стали у борта. Капитан запер дверь. Он показал пальцем на спину и сказал зло:

— Тут, тут, вот он. Говорите шепотом, Салерно. Я буду напевать.

— Шестьдесят три градуса,— шептал Салерно.— Вы понимаете? Значит...

— Градусник какой?— шепнул капитан и снова замурлыкал песню.

— С пеньковой кистью. Он не мог нагреться в трубе. Кисть была мокрая. Я быстро подымал и тотчас глянул. Пусть, что ли, воду в трюм?

Капитан вскинул руку:

— Ни за что! Соберется пар, взорвет люки.

Кто-то тронул ручку двери.

— Кто там?— крикнул капитан.

— Можно? Минуту! Один вопрос!— Из-за двери всхли-
пывал длинный пассажир.

Капитан узнал голос.

— Завтра, дружок, завтра, я сплю!— крикнул капитан.
Он плотно держал дверь за ручку. Потушил свет.

Прошла минута. Капитан шепотом приказал Салерно:

— Первое: дайте кораблю самый полный ход. Не жа-
лейте ни котлов, ни машины. Пусть ее хватит на три дня.
Надо делать плоты. Вы будете распоряжаться работой.
Идемте к матросам.

Они вышли. Капитан осмотрелся. Пассажира не было.
Они спустились вниз. На нижней палубе беспокойно ходил
пассажир в белых брюках.

— Салерно,— сказал капитан на ухо механику,— запи-
майте этого идиота чем угодно! Что хотите! Играйте с ним
в чехарду! Анекдоты! Врите! Но чтобы он не шел за мной.
Не спускайте с глаз!

Капитан зашагал на бак. Спустился в кубрик к матро-
сам. Двое быстро смахнули карты на палубу.

— Буди всех! Всех сюда!— приказал капитан.— Только
тихо.

Вскоре в кубрик собралось восемнадцать кочегаров и
матросов. С тревогой глядели на капитана. Молчали, не
шептались.

— Все?— спросил капитан.

— Остальные на вахте,— сказал боцман.

VII

— Военное положение!— кренким голосом сказал ка-
питан.

Люди глядели и не двигались.

— Дисциплина — вот.— И капитан стукнул револьве-
ром по столу. Обвел всех глазами.— На пароходе пожар.

Капитан видел: бледнеют лица.

— Горит в трюме помер два. Тушить поздно. До опас-
ности осталось три дня. За три дня сделать плоты. Шлю-
пок мало. Работу покажет механик Салерно. Его слушать-
ся. Пассажирам говорить так: капитан наказал за игру и
драки. Сболтни кто о пожаре — пуля на месте. Между со-
бой — об этом ни слова. Поняли?

Люди только кивали головами.

— Кочегары!— продолжал капитан.— Спасенье в скорости. Не жалеть сил!

Капитан поднялся на палубу. Глухо загудели внизу матросы. А впереди капитан увидал: Салерно стоял перед пассажиром. Старик механик выныгнул живот и покачивался.

— Уверю вас, дорогой мой, слушайте,— пыхтел механик,— уверяю, это в Алжире... ей-богу... и арапки... танец живота... Вот так!

Пассажир мотал посом и вскрикивал:

— Не верю, ведь еще семь суток пlying!

— Клянусь мощам Николая-чудотворца!— Механик задышался и вертел животом.

— Поймал, поймал!— весело крикнул капитан.

Механик оглянулся.

Пассажир бросился к капитану.

— Все там играли в карты. И все передрались. Это от безделья. Теперь до самого порта работать. Выдумайте им работу, Салерно. И потяжелее. Бездельники все они! Все! Пусть делают что угодно. Стругают. Пилят. Куют. Идите, Салерно. По горячему следу. Застегните китель!

VIII

— Идемте, сеньор. Вы мне нравитесь... — Капитан обхватил пассажира за талию.

— Нет, я не верю,— говорил пассажир упрямо, со слезами.— У нас есть пассажир. Он — бывший моряк. Я его спрошу. Что-то случилось. Вы меня обманываете.

Пассажир рвался вперед.

— Вы не хотите сказать. Тайна! Тайна!

— Я скажу. Вы правы — случилось,— сказал тихо капитан.— Стапемте здесь. Тут шумит машина. Нас не услышат.

Капитан облокотился на борт. Пассажир стал рядом.

— Я вам объясню подробно,— начал капитан.— Видите вы вон там,— капитан перегнулся за борт,— вон вода бьет струей? Это из машины за борт.

— Да, да,— сказал пассажир,— теперь вижу.

Он тоже глядел вниз. Придерживал очки.

— Ничего не замечаете?— сказал капитан.

Пассажир смотрел все внимательнее. Вдруг капитан присел. Он мигом схватил пассажира за ноги. Рывком за-

прокинул вверх и толкнул за борт. Пассажир перевернулся через голову. Исчез за бортом. Капитан повернулся и пошел прочь. Он достал сигару, отгрыз кончик. Отплюнул на сажень. Ломал спички, пока закуривал.

IX

Капитан пошел наверх и дал распоряжение: повернуть на север. Он сказал старшему штурману:

— Надо спешить на север. Туда, на большую дорогу. Тем путем ходит много кораблей. Там можно скорее встретить помощь.

Машина будто встрепенулась. Она торопливо вертела випт. Пароход заметно вздрагивал. Он мелко трясся корпусом — так сильно вертела машина.

Через час Салерно доложил капитану:

— Плоты готовят. Я велел ломать деревянные переборки. Сейчас машина дает восемьдесят два оборота... Предохранительные клапаны на котлах заклепаны. Если котлы выдержат... — И Салерно развел руками.

— Тогда постарайтесь дать восемьдесят пять оборотов. Только осторожно, осторожно, Салерно. Машина сдаст, и мы пропали. Люди спокойны?

— Они молчат и работают. Пока что... Их нельзя оставлять. Там второй механик. Третий — в машине. Фу!

Салерно отдувался. Он снял шапку. Сел на лавку. Замотал головой. И вдруг вскочил:

— Я смерю, сколько градусов.

— Не смей! — оборвал капитан.

— Ах да, — зашептал Салерно, — этот идиот! Где он? —

И Салерно огляделся.

Капитан не сразу ответил.

— Спит. — Капитан коротко свистнул в свисток и приказал вахтенному: — Третьего штурмана ко мне!..

— Слушайте! Гропани, вам двадцать пять лет...

— Двадцать три, — поправил штурман.

— Отлично, — сказал капитан. — Вы можете прыгать на двой ножке? Ходить колесом? Сколько есть силы, забавляйте пассажиров! Играйте во все дурацкие игры! Чтобы сюда был слышен ваш смех! Ухаживайте за дамами. Вываливайте все ваши глупости. Кричите петухом. Лайте собакой. Мне наплевать. Третий механик вам в помощь, на весь день. Я вас научу, что врать.

- А вахта?— И Гропани хихикнул.
- Это и есть ваша вахта. Всю вашу дурость сыпьте. Как из мешка. А теперь спать!
- Есть!— сказал Гропани и пошел к пассажирам.
- Куда?— крикнул капитан.— Спать!

X

Капитан не спал всю ночь. Под утро приказал спустить градусник. Градусник показал 67. «Восемьдесят пять оборотов»,— доложили из машины. Пароход трясся, как в лихорадке. Волны крутым бугром расходились от носа.

Солнце взошло справа. Ранний пассажир вышел на палубу. Посмотрел из-под руки на солнце. Выпел толстенький аббат в желтой рясе. Они говорили. Показывали на солнце. Оба пошли к мостику.

— Капитан, капитан! Ведь солнце взошло справа, оно всходило сзади, за кормой. Вы изменили курс. Правда?— говорили в два голоса и пассажир и священник.

Гропани быстро взбежал наверх.

— О, конечно, конечно!— говорил Гропани.— Впереди Саргассово море. Не знаете? Это морской огород. Там водоросли, как змеи. Они опутают винт. Это прямо похлебка с капустой. Вы не знали? Мы всегда обходим. Там завязло несколько пароходов. Уж много лет.

Пожилая дама в утреннем платье вышла на голоса.

— Да, да,— говорил Гропани,— там дамы хозяйничают, как у себя дома.

— А есть-то что?— спросила дама.

— Рыбу! Они рыбу ловят!— спешил Гропани.— И чаёк. Они чаек паловили. Они у них песутся. Цыплят выводят. Как куры. И петухи кричат: «Ку-ка-ре-ку!»

— Вздор! Вздор!— смеялась дама.

А Гропани бил себя в грудь и кричал:

— Клянусь вам всеми спиртными напитками!

Пассажиры выходили на палубу. Вертлявый испанец суетился перед публикой.

— Господа, пока не жарко, партию в гольд!— кричал он по-французски и вертел черными глазами.

— Будьте мужчиной,— говорил испанец и тряс за руку Гропани,— приглашайте дам!

— Одну партию до кофе! Умоляйте!— Испанец стал на колени и смешно шевелил острыми усами.

— Вот так и будете играть,— крикнул Гропани,— на коленях!

— Да! Да! На коленях! — закричали дамы.

Все хохотали. Испанец делал рожи, смешил всех и кричал: «Приглашайте дам!»

Гропани поклонился аббату и сделал руку кренделем:

— Пропу.

Аббат замахал рукой:

— Ах, простите, я близорук.

Всем стало весело. Кто-то притащил клюшки и большие шашки. Началась игра; на палубе начертили крестики. Клюшками толкали шашки.

XI

— Сегодня особенно трясет,— вдруг сказал испанец.— Я чувствую коленками. Не правда ли?

Все минуту слушали.

— Да вы посмотрите, как мы идем!— крикнул Гропани.

Публика хлынула к борту.

— Это секрет, секрет,— говорил Гропани; он поднял палец и прищурил глаз.

— Матео!— крикнул Гропани вниз.— Скорей, скорей, бегом!

Третий механик быстро появился снизу. Он был маленький, черный. Совсем обезьянка. Он бежал легко, семенил ножками.

— Гой!— крикнул Гропани, и механик с разбегу прыгнул через испанца.

Все захлопали в ладоши.

— Слушай, секрет можно сказать? — спросил Гропани.— Нам не влетит?

— Беру на себя,— сказал маленький механик и улыбнулся белыми зубами на темном лице.

Все обступили моряков. Испанец вскочил с колен.

— Наш капитан,— начал тихим голосом механик,— через два дня именинник. Он всегда останавливает пароход. Все выходят на палубу и должны поздравлять старика. Часа три стоим все, поздравляем, все равно, даже в шторм. Вот он и велит гнать. А то опоздает в порт. Чудачина-старичина! И катанье какое-то затевает, морской пикник,— совсем тихо прибавил механик.— Только, чур, молчок!— И он волосатой рукою прикрыл рот.

— Ох, интересно!— говорили дамы.

Буфетчик звопил к кофе.

Механик и Гропани отошли к борту.

— У нас в котелгарке,— быстрым шепотом сказал механик,— переборка пагрелась — рука не терпит. Как утюг. Понимаешь?

— А трюм пельзя открыть,— сказал Гропани.— Войдет воздух, и сразу все вспыхнет.

— Как думаешь, продержимся два дня? Как думаешь? — Механик глянул в самые глаза Гропани.

— Пожар, можем задохнуться в своем дыму,— сказал Гропани,— а впрочем, черт его знает.

Они отошли на мостик. Капитан их встретил.

— Идите сюда,— сказал капитан.

Он потащил механика за руку. В каюте он показал ему маленькую рулетку, новешью, блестящую.

— Вот шарик.— Капитан поднес шарик к носу механика.— Пусть крутят, бросают шарик, пусть играют на деньги. Говорите — это по секрету от капитана. Тогда они будут сидеть внизу. Мужчины хотя бы... Дамы ничего не заметят. Возьмите, не потеряйте шарик!— И капитан ткнул рулетку механику.

Третий механик вышел на палубу. Официанты играли на скрипках. Две пары уже танцевали.

XII

Команда работала и разбирала эмигрантские нары. Под палубой было жарко и душно. Люди разделись, мокрые от пота.

— Ни минуты, ни секунды не терять!— говорил старик Салерно; он помогал срывать толстые брусья.— Потом покурите, потом!— пыхтел старик.

— Ну, чего стал?— крикнул Салерно молодому матросу.

— Вот оттого и стал!— во всю глотку крикнул молодой матрос.

Все на миг бросили работу. Все глядели на Салерно и матроса. Стало тихо. И стало слышно веселую музыку.

— Ты это что же?— сказал Салерно; он с ключом в руке пошел на матроса.

— Там танцуют, а мы тут кишки рвем!— Матрос подался вперед с топором в руке.— Давай их сюда!— кричал матрос.

— Верно, правильно говорит! — загудели матросы.

— Кому плоты? Нам шлюпок хватит.

— А плоты пусть сами себе делают.

Все присунулись к Салерно, кто с чем: с молотком, с топором, с долотом. Все кричали:

— К черту! Довольно! Баста! Остановить пароход! К шлюпкам!

Один уже бросился к трапу.

— Стойте! — крикнул Салерно и поднял руку.

На миг затихли. Остановились.

— Братья матросы! — сказал с одышкой старик. — Ведь там пассажиры. Мы взяли их свезти... А мы их... выйдут... выйдут... погубим... Они ведь ехать сели, а не тонуть...

— А мы тоже не гореть напались! — крикнул молодой матрос в лицо механику.

И молодой матрос, растолкав всех, бросился к трапу.

ХІІІ

Капитан слышал крик. Он спустился на нижнюю палубу, шел к мостку и прислушивался.

«Бунт, — подумал капитан. — Они бьют Салерно. Пропало все. Уймү, а нет — взорву к черту пароход, пропадай всё пропадом!»

И капитан быстро зашагал к люку.

Вдруг навстречу матрос с топором. Он с разбегу ткнулся в капитана. Капитан рванул его за ворот. Матрос не успел опомниться, капитан толкнул его в люк. По трапу на матроса напирал народ. Все стали и смотрели на капитана.

— Назад! — рявкнул капитан.

Люди попятились. Капитан спустился вниз.

— Чего смотреть?! — крикнул кто-то.

Народ встрепещулся.

— Молчать! — сказал капитан. — Слушай, что я скажу. Капитан стоял на трапе выше людей. Все на него глядели. Жарко дышали. Ждали.

— Не будет плотов — погибли пассажиры. Я за них держу ответ перед миром и совестью. Они нам доверились. Двести пять живых душ. Нас сорок восемь человек...

— А мы их свяжем, как овец! — крикнул матрос с топором. — Клянусь вам!

— Этого не будет! — крепко сказал капитан. — Ни один мерзавец не тронет их пальцем. Я взорву пароход!

Люди загудели.

— Убейте меня сейчас!— Капитан сунулся грудью вперед.— И суньтесь только на палубу — пароход взлетит на воздух! Все готово, без меня есть кому это сделать. Вы хотите погубить двести душ — и женщин и малых детей. Даю слово: погибнете вместе. Все до одного.

Люди молчали. Кто опустил злые глаза, а кто глядел на капитана и кивал головой.

Капитан с минуту глядел на людей.

Молодой матрос вскинул голову, но капитан заговорил:

— Плоты почти готовы. Их осталось собрать и сделать мачты. На шесть часов работы. У нас ведь есть сутки. Двадцать четыре часа. Пассажиры в воде — это дети. Они узнают о несчастье — они погубят себя. Нам вручили их жизнь. Товарищи моряки! — громко крикнул капитан.— Лучше погибнуть честным человеком, чем жить прохвостом! Скажите только: «Мы их погубим»,— капитан обвел всех глазами,— и я сейчас пушу себе пулю в лоб. Тут, на трапе.— И капитан сунул руку в карман.

Все загудели глухо, будто застонали.

— Ну так вот, вы — честные люди,— сказал капитан.— Я знал это. Вы устали. Выпейте по бутылке красного вина. Я прикажу выдать. Кончайте скорее — и спать. А наши дети,— капитан кивнул наверх,— пусть играют, вы их спасете, и будет навеки вам слава, морякам Италии.— И капитан улыбнулся. Улыбнулся весело, и вмиг помолодело лицо.

— Bravo!— крикнул молодой матрос.

Он глядел на капитана. Капитан быстрыми шагами взбегал по трапу.

— Гропани!— крикнул капитан на палубе. Штурман бежал навстречу.— Идите вниз,— говорил капитан,— работайте с ними во всю мочь! И по бутылке вина всем. Сейчас. Там танцуют? Ладно. Я пришлю за вами, в случае станут скучать. Ну, живо!

— Есть!— крикнул Гропани и бегом бросился к люку.

XIV

Капитан прошел в свою каюту. Он сел на койку, сжал кулаки со всей силой и подпер бока. «Держаться, держаться»,— говорил капитан,— что есть сил держаться! Сутки одни,

одни только бы сутки!» И нисколько не легче стало капитану. Он знал: не за сутки, а за один час, за минуту все может погибнуть. Крикнет этот матрос с топором: «Пожар!» — и готово. «Дали им вина?» — подумал капитан и вскочил на ноги. Но тут влетел в каюту Салерно. Старик осунулся в эти два дня. Он схватил капитана за плечи, стал трясти. Тряс и все глядел в глаза, и лицо у старика кривилось и вдруг совсем сморщилось, и он заплакал, заревел в голос. Он с размаху сел на койку и уткнул лицо в подушку.

— Что ты? — Капитан первый раз заговорил с ним на «ты». — Что ты? Салерно...

Капитан повернулся, взялся за ручку двери. Старик встрепенулся.

— Минуту! — говорил старик.

Он задыхался, схватил графию и пил из горлышка. Обливался. Другой рукой он держал капитана.

— Ведь я умру подлецом, — говорил старик сквозь слезы. — Пожар не потухнет. В этих бочках, ты не знаешь, — в них бертолетова соль.

— Как? — спросил капитан. — Ведь ты сказал — хлорноватая какая-то соль...

— Да, да! Это и есть бертолетова. Я не соврал. Но я знал, что ты не поймешь.

— Я спрашивал ведь тебя: не опасно? А ведь это — взрыв!..

— Нет, нет, — плакал старик, — не взрыв! Ее нагревают, она выпускает кислород, а от него горит. Сильней, сильней все горит. — Старик умоляюще глядел на капитана. — Ну, прости, прости хоть ты, господи! — старик ломал руки. — Никто не простит... — И Салерно искал глазами по каюте. — Мне дали триста лир, чтобы я устроил... дьявол дал... эти двадцать бочек. Что же теперь? Что же? — Салерно глотал воздух ртом. — Иисусе святой, милый, дорогой...

— Идите к аббату, приложите к его рясе. Нет? Тогда вот револьвер — стреляйтесь! — сказал капитан и брякнул на стол браунинг.

Старик водил выпученными глазами.

— Тоже не хотите? Тогда умрите на работе. Марш к команде.

— Капитан, — хрипло сказал Салерно, — на градуснике... вчера было не семьдесят восемь, а восемьдесят семь...

Капитан вскинул брови, вдрогнул.

— Я не мог сказать...— Старик рухнул с койки, стал на колени.

Капитан с размаху ударил старика по лицу, вышел и пристукнул за собой дверь.

XV

Капитан взял веревку с градусником. Он сам смерил температуру — было 88 градусов.

Маленький механик подошел и сказал (он был в одной сетке, мокрый от пота):

— На переборке краска закудрявилась, барашком пошла, но мы поливаем... Полно пару... Люди задыхаются... Работаем мы со вторым механиком...

Капитан подошел к кочегарке. Глянул сверху, но сквозь пар не мог увидеть. Слышал только — лязгают лопаты, стучают скребки. Маленький механик шагнул за трап и пропал в пару.

Солнце садилось. Красным отсветом горели буруны по бокам парохода. Черный дым густой змеей валил из трубы. Пароход летел что есть силы вперед. В трюме парохода горел смертельный огонь. Пассажиры приятно пели испанскую песню. Испанец махал рукой. Все на него смотрели, а он стоял на табурете выше всех.

— Спойте молитву,— говорил испанец.— Его преподобию будет приятно.

Испанец дал топ.

Капитан быстро пошел вниз, к матросам.

— Сейчас готово!— крикнул навстречу Гроппи.

Он, голый до пояса, долбил долотом. Старик Салерно, лохматый, мокрый, тесал. Он без памяти тесал, зло садил топором.

— Баста! Довольно уж!— кричал ему судовой плотник.

Салерно, красный, мокрый, озирался вокруг.

— Еще по бутылке вина,— сказал капитан.— Выпить здесь — и по койкам. Двое — в кочегарку, помогите товарищам. Они в аду. Вахта по часу.

Все бросили инструменты. Один Салерно все стоял с топором. Он еще два раза тянул по бревну. Все на него оглянулись.

Капитан вышел на палубу. На трюме в пазах стена пошла пузырями. Они надувались и лопались. Смола прилипла к ногам. Черные следы шли по палубе.

Солнце зашло.

Яркими огнями вспыхнул салон; оттуда мирно мурлыкал пассажирский говор.

Гропани догнал капитана.

— Я доложу, — весело говорил Гропани, — очень здорово, то есть замечательные плоты, говорю я... а Салерно...

— Видел всё, — сказал капитан. — Готовьте провизию, воду, фляги, ракеты. Фальшфейера не забудьте. Сейчас же...

— А Салерно чудак, ей-богу! — крикнул Гропани и побежал хлопотать.

XVI

Ночью капитан пошел мерить температуру. Он мерил каждый час. Температура медленно подходила к 89 градусам. Капитан осторожно прислушивался, не гудит ли в трюме. Он приложил ухо к трюмному люку. Было горячо, но капитан терпел. Было не до того. Слушал: нет, ничего — это урчит машина. Ее слышно по всему пароходу. Капитану начинало казаться: вот сейчас, через минуту, пароход не выдержит. Взорвется люк, полыхнет пламя — и конец; крики, вой, кровавая каша. Почем знать, дотерпит ли пароход до утра? И капитан снова щупал палубу. Попадал в жидкую горячую смолу в пазах. Снова мерил градусником уже каждые полчаса.

Капитан нетерпеливыми шагами ходил по палубе. Глядел на часы. До рассвета было еще далеко. Внизу Гропани купорил в бочки сухари, консервы. Салерно возился тут же. Он слушал Гропани и со всех ног исполнял его приказы. Как мальчишка, старик глядел на капитана, будто хотел сказать: «Ну, прикажи скорее, и я в воду брошусь!»

Около полуночи капитану доложили — двоих вынесли из кочегарки в обмороке. Но машина все вертелась, и пароход летел напрямик к торной дороге.

Капитан не мог присесть ни на миг. Он ходил по всему пароходу. Он спустился в кочегарку. Там в горячем пару звякали дверцы топок. Пламя выло под котлами. Распаренные люди изо всех сил швыряли уголь. Не попадали и снова с ожесточением кидали. Ругались, как плакали.

Капитан схватил лопату и стал кидать. Он задышался в пару.

— Валяй, валяй, сейчас конец, — говорил капитан.

Гайки закрыли. Капитан вылез наверх. Ему показалось

холодно на палубе. А это что? Какие-то фигуры в темноте возятся у шлюпки.

Капитан опустил руку в карман, нащупал браунинг. Подошел. Три матроса и кочегар вываливали шлюпку за борт.

— Я не приказывал готовить шлюпок,— тихим голосом сказал капитан.

Они молчали и продолжали дело.

— На таком ходу шлюпки не спустить,— сказал капитан чуть громче.— Погибнете сами и загубите шлюпку.

Капитан сдерживал сердце: нельзя подымать тревогу.

Матросы вывалили шлюпку за борт. Оставалось спустить.

Двое сели в шлюпку. Двое других готовились спускаться.

— А, дьявол!— вскрикнул один в шлюпке.— Нет весел. Они запрятали весла и паруса. Всё. Давай весла!— крикнул он в лицо капитану.— Давай!

— Не ори,— сказал тихо капитан,— выйдут люди, они убьют вас!

И капитан отошел в сторону. Он видел, как люди вылезали из шлюпки. До рассвета оставалось три часа. Капитан увидел еще фигуру: пригляделся — Салерно. Старик, полуголый, шел шатаясь.

Он шел прямо на капитана. Капитан стал.

— Салерно!

Старик подошел вплотную.

— Что мне теперь делать? Прикажите.

Салерно глядел сумасшедшими глазами.

— Одевайтесь,— сказал капитан,— причешитесь, умойтесь. Вы будете передавать детей на плоты.

Салерно с сердцем махнул кулаками в воздухе. Капитан зашагал на бак. По дороге он снова смерил: было почти 90 градусов.

Капитану хотелось подогнать солнце. Вывернуть его рычагом наверх. Еще 2 часа 45 минут до света. Он прошел в кубрик. Боцман не спал. Он сидел за столом и пил из кружки воду. Люди спали головой на столе, немногие в койках. Свесили руки, ноги, как покойники. Кто-то в углу косялся в своем сундучке. Капитан поманил пальцем боцмана. Боцман вскопчил. Тревожно глядел на капитана.

— Вот порядок на утро,— тихо сказал капитан. И он стал шептать над ухом боцмана.

— Есть... есть... — приговаривал боцман.

Капитан быстро взбежал по трапу. Ему не терпелось еще умереть. Градусник с веревкой был у него в руке. Капи-

тан спустил его вниз и тотчас вытянул. Глядел, не мог найти ртуть. Что за черт! Он взял рукой за низ и отдернул руку: пеньковая кисть обварила пальцы. Капитан почти бегом поднялся в каюту. При электричестве увидал: ртуть уперлась в самый верх. Градусник лопнул. У капитана захватило дух. Дрогнули колени первый раз за все это время. И вдруг нос почувствовал запах гари. От волнения капитан не расчужал. Откуда? Озирался вокруг. Вдруг он увидел дымок. Легкий дымок шел из рук. И тут капитан увидел: тлеет местами веревка. И сразу понял: труба раскалилась докрасна в трюме. Пожар дошел до нее.

Капитан приказал боцману поливать палубу. Пусть идет вода. Пусть все время идет из шланга. Тут под трюмом пар шел от палубы. Капитан зашел в каюту Салерно. Старик передевал рубаху. Выпрыгнул из вѳрота, увидал капитана. Замер.

— Дайте химию,— сказал капитан сквозь зубы.— У вас есть химия.

Салерно схватил с полки книгу — одну, другую...

— Химии... химии... — бормотал старик.

Капитан взял книгу и вышел воп.

«Может ли взорваться?» — беспокойно думал капитан. У себя в каюте он листал книгу.

«Взрывается при ударе,— прочел капитан про бертолетову соль,— и при внезапном нагревании».

— А вдруг там попадет так... что внезапно... А, черт!

Капитан заерзал на стуле. Глянул на часы: до рассвета оставалось двадцать семь минут.

XVII

Остановить пароход в темноте — все пассажиры проснутся, и в темноте будет каша и бой. А в какую минуту взорвется? В какую из двадцати семи? Или соль выпускает кислород? Просто кислород, как в школе на уроке химии?

Капитан дернулся смерить, вспомнил и тоннул с сердцем в палубу.

Теперь капитан как закаменел: шел твердо, крепким шагом. Как живая статуя. Он прошел в кубрик.

— Буди! — сказал капитан боцману.— Двоих на лебедки! Плоты на палубу! Собирать!

Люди просыпались, серые и бледные. Всеми глазами глядели на капитана. Капитан вышел. С бака на него глядели

бортовые огни: красный и зеленый. Яркие, напряженные. Капитан уже слышал сзади возню, гроханье брусьев. Тархтела лебедка. Вспыхнула грузовая люстра.

— Гропани, к пассажирам!— сказал капитан на ходу. Он слышал голос Салерно.— Салерно, ко мне!— крикнул капитан.— Вы распорядитесь спуском плотов. И ни одной ошибки!

Второй штурман с матросами вываливал шлюпки за борт. Одиннадцать шлюпок. Капитан глянул на часы. Оставалось семнадцать минут. Но восток глухо чернел справа.

— Всех наверх!— сказал капитан маленькому механику.— Одного человека оставить в машине.

Пароход песся, казалось, еще быстрее: напоследки — очертя голову.

Капитан вышел на мостик.

— Определитесь по звездам,— сказал он старшему штурману,— надо точно знать наше место в океане.

Легкий ветер дул с востока. По океану ходила широкая плавная волна. Капитан стоял на мостике и смотрел на сборку плотов. Салерно точно, без окриков, руководил, и руки людей работали дружно, в лад. Капитан шагнул вправо. Ветром дунул свет из-за моря.

— Стоп, машина!— приказал капитан.

И сейчас же замер звук внутри. Пароход будто ослаб. Он с разгону еще песся вперед. Люди на миг бросили работу. Все глянули наверх, на капитана. Капитан серьезно кивнул головой, и люди вцепились в работу.

XVIII

Аббат проснулся.

— Мы, кажется, стоим,— сказал он испанцу и зажег электричество.

Испанец быстро стал одеваться. Поднимались и в других каютах.

— Ах да! Именины!— кричал испанец.

Он высунулся в коридор и крикнул веселым голосом:

— Дамы и кавалеры! Пожалуйста! Прошу! Все в белом! Непременно!

Все собрались в салоне. Гропани был уже там.

— Но почему же так рано?— говорили нарядные пассажиры.

— Надо приготовить пикник,— громко говорил Гропани,

а потом, шепотом:— Возьмите с собой ценности. Знаете, все выйдут, прислуга ненадежна.

Пассажиры пошли рыться в чемоданах.

— Я боюсь,— говорила молодая дама,— в лодках по волнам...

— Со мной, сударыня, уверяю, не страшно и в аду,— сказал испанец. Он приложил руку к сердцу.— Идемте. Кажется, готово!

Гропани отпер двери.

Пароход стоял. Пять плотов гибко качались на волнах. Они были с мачтами. На мачтах флаги перетянуты узлом.

Команда стояла в два ряда. Между людьми — проход к трапу.

Пассажиры спустились на нижнюю палубу.

Капитан строго глядел на пассажиров.

Испанец вышел вперед под руку с дамой. Он улыбался, кланялся капитану.

— От лица пассажиров... — начал испанец и шикарно поклонился.

— Я объявляю,— перебил капитан крепким голосом,— мы должны покинуть пароход. Первыми сойдут женщины и дети. Мужчины, не трогаться с места! Под страхом смерти.

Как будто стон дохнул над людьми. Все стояли оцепенелые.

— Женщины, вперед!— скомандовал капитан. — Кто с детьми?

Даму с девочкой подталкивал Гропани. Вдруг испанец оттолкнул свою даму. Он растолкал народ, вскочил на борт. Он приготовился прыгнуть на плот. Хлопнул выстрел. Испанец рухнул за борт. Капитан оставил револьвер в руке. Бледные люди проходили между матросами. Салерно размещал пассажиров по плотам и шлюпкам.

— Все?— спросил капитан.

— Да. Двести три человека!— крикнул снизу Салерно.

Команда молча, по одному, сходила вниз.

Плоты отвалили от парохода, легкий ветер относил их в сторону. Женщины жались к мачте, крепко прижимали к себе детей. Десять шлюпок держались рядом. Одна под парусами и веслами пошла вперед. Капитан сказал Гропани:

— Дайте знать встречному пароходу. Ночью пускайте ракеты!

Все смотрели на пароход. Он стоял один среди моря. Из трубы шел легкий дым.

Прошло два часа. Солнце уже высоко поднялось. Уже скрылась из глаз шлюпка Гропани. А пароход стоял один. Он уже не дышал. Мертвый, брошенный, он покачивался на зыби.

«Что же это?» — думал капитан.

— Зачем же мы уехали? — крикнул ребенок и заплакал.

Капитан со шлюпки оглядывался то на ребенка, то на пароход.

— Бедный, бедный... — шептал капитан. И сам не знал — про ребенка или про пароход.

И вдруг над пароходом взлетело белое облако, и вслед за ним рвануло вверх пламя.

Гомон, гул пошел над людьми. Многие встали в рост, глядели, затаили дыхание...

Капитан отвернулся, закрыл глаза рукой. Ему было больно: горит живой пароход. Но он снова взглянул сквозь слезы. Он крепко сжал кулаки и глядел, не отрываясь.

Вечером виден был красный остров. Он рдел вдали. Потом потухло. Капитан долго еще глядел, но ничего уже не было видно.

Три дня болтались на плоту пассажиры.

На третьи сутки к вечеру пришел пароход. Гропани встретил на борту капитана.

Люди перешли на пароход. Недосчитались старика Салерно. Когда он пропал — кто его знает.

СОДЕРЖАНИЕ

«МАРИЯ» И «МЭРИ»	8
КОМПАС	12
БАТА	18
МЕХАНИК САЛЕРНО (Было давно)	25

Для детей среднего и старшего школьного возраста

Борис Степанович Житков

МОРСКИЕ ИСТОРИИ

Редактор А. И. Стройло
Художественный редактор М. В. Таярова
Технический редактор Е. В. Кузьмина
Корректор Т. Б. Лысенко

ИБ № 3843
Сдано в набор 21.03.84, Подписано в печать 24.05.84. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 3. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,52. Усл. вр.-отт. 2,73. Уч.-изд. л. 2,41. Тираж 1 500 000 экз. (I завод 1—500 000 экз.). Заказ 1119. Цена 10 к. Изд. инд. ЛД-533.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге
и пожелания присылать по адресу: 103012,
Москва, проезд Сапунова, 13/15, издатель-
ство «Советская Россия».

10 К.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

Созданием файла в формате pdf

занимался ewgeniy-new

(июль 2015)